

Пьер Паскаль

В лице Пьера (Петра Карловича) Паскаля (22.07.1890—01.07.1983), почетного профессора Школы восточных языков (1937—1950) и Сорбонны (по кафедре русского языка и литературы, 1950—1960), французская славистика потеряла последнего знатока России в целом, ее языка, литературы, истории, быта в самом широком значении этого слова, на протяжении ее тысячелетнего существования. Поэтому писать о П. Паскале как о медиевисте — задача трудная: приходится искусственно выделять одну часть из того, что было и остается целостным и живым духовным миром, не говоря уже о том, что сам П. Паскаль термин «средние века» (*Moien Âge*) в применении к России не признавал — для него грань между Древней Русью и Россией нового времени совпадала с концом XVII в.¹

Жизнь П. Паскаля можно назвать страницей истории, которую он сам частично описал в своих воспоминаниях и особенно в захватывающих дневниках 1916—1927 гг. На этом материале и на некоторых других источниках будущий исследователь историографии России сможет установить, каким путем молодой гуманист, воспитанный на французской классической литературе, на латинской и греческой филологии, стал одним из лучших специалистов по допетровской Руси. Заинтересовавшись русским языком еще юношей, во времена расцвета франко-русского союза, а затем полюбив Россию и русский народ до такой степени, что в течение 17 лет (1916—1933) разделял его судьбу, П. Паскаль постепенно встал на путь обращения к русскому прошлому. Можно предположить, что на этот путь его привела любовь к России, к русской деревне, той, о которой писал Есенин, один из его любимых поэтов. С другой стороны, христианское мировоззрение влекло его к русскому прошлому, в котором он постоянно искал общие со всей христианской Европой корни. Ранние записи в дневнике на эту тему перекликаются с одной из последних работ.²

Если вначале П. Паскаль подходил к русской истории, может быть, больше сердцем, чем разумом, то вскоре в предпринятых им исследованиях проявились другие черты: врожденная честность и добросовестность, бесконечная строгость к самому себе, отличная университетская подготовка. Поэтому диссертация «Аввакум и начало Раскола» (1938) является одновременно строго научным трудом и увлекательным рассказом. Нет необходимости полвека спустя представлять читателю эту общепризнанную работу: она не только дает полную картину истории возникновения староверческого раскола, но и подводит итог всей истории духовной культуры Древней Руси. Напомним, что эта книга была переиздана в 1953 г., что весьма редко бывает с диссертациями!

¹ В «Histoire de la Russie» (Que sais-je? N 248) период от 1462 до 1700 г. составляет одну главу. Критику термина «средние века» в применении к России см. в трудах, указанных в примеч. 3.

² P a s c a l P. Deux similitudes catholiques-orthodoxes: religienses larmes; fols en Christ // Aspects de l'orthodoxie, Bibliothèque des Centres d'études supérieures spécialisés: Travaux du Centre d'études supérieures spécialisé d'Histoire des religions de Strasbourg. Paris, 1981. P. 153—167.

В те же годы П. Паскалем были переведены на французский язык «Житие» и последняя «Челобитная» Аввакума Алексею Михайловичу, а также более древние памятники — славяно-русские версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия и «Девгениева деяния», позже — «Хождение Богородицы по мукам». Все эти переводы, основанные на отличном знании текстологических проблем, снабжены богатым комментарием. Особого внимания заслуживает стремление передать все языковые и стилистические свойства оригинала, найти каждому древне- или старорусскому термину точное соответствие во французском. Тут не только совершенное знание обоих языков, в их современном и историческом аспекте, но и глубокое желание в каждом конкретном случае найти общие черты в двух отличных друг от друга, но тем не менее родственных культурах. Прделанная П. Паскалем в этой области работа, внесшая ценнейший вклад в изучение древнерусской лексики, ждет особого научного исследования.

Стремление к конкретному отображению изучаемого предмета проявляется, хотя и иным образом, в собственно исторических работах. Тут П. Паскаль неуклонно придерживался принципа хронологической последовательности и точности.³ Примером этого может служить его краткий курс истории России (1946, сер. «Que sais-je?»). Конечно, современному историку изложение П. Паскаля может показаться методологически устаревшим, но выход в свет 9-го издания этой книги (1980) объясняется не только отсутствием на французском языке другого серьезного пособия по русской истории, но и тем, что эту небольшую по объему книгу характеризует исключительная насыщенность фактическим материалом.

Как точность в филологических работах сочеталась с неоспоримыми литературными качествами переводов, так и строгая требовательность к хронологии отнюдь не исключала для П. Паскаля широкого подхода к истории. Например, в предисловии к небольшой статье о путешествиях на Руси он отстаивает необходимость учитывать в исторических исследованиях значение географического пространства.⁴

Не считая книги об Аввакуме, широкий подход к истории нигде так не обнаруживался, как в лекциях П. Паскаля, посвященных комментированию древнерусских памятников — «Повести временных лет», «Новгородской первой летописи», «Слова о полку Игореве» (по поводу которого П. Паскаль расхвалился с академиком А. Мазоном) и других. На этих лекциях ощущалась неисчерпаемая эрудиция, которая лишь в небольшой мере нашла отражение в печатных трудах П. Паскаля: например, его широкие познания в области русского летописания едва проскальзывают в статье о литературных трудах митрополита Макария.⁵ В аудитории сидели не только студенты, но и признанные исследователи; среди них был профессор Сорбонны академик В.-Л. Тапье, известный специалист по истории Центральной Европы XVII в., оставивший отличное описание этих лекций. В нем он анализирует, как филологический, литературоведческий и исторический подходы дополняли друг друга, чтобы слушатели могли получить полную картину той общественной среды, в которой был создан памятник, и одновременно приобщиться к методу исследования древнерусских источников.

Сожалея о том, что П. Паскалю (из-за того, что он получил филологическое, а не историческое образование) в свое время не предоставили в Сорбонне кафедру по истории и культуре славянских народов, В.-Л. Тапье

³ См. его рец. на кн.: Е с к А. *Le Moyen Âge russe*. Paris, 1933; L u b i m e n k o I. *Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand*. Paris, 1933 // *Rev. hist.* Paris, 1935. Т. 174. P. 82—83, 89—91.

⁴ P a s c a l P. *La durée des voyages en Russie au XVII^e siècle* // *Rev. des Études slaves*. Paris, 1951. Т. 27. P. 209—219.

⁵ P a s c a l P. *Le métropolite Macaire et ses grandes entreprises littéraires* // *Russie et chrétienté*. Paris, 1949. N 1—2. P. 7—16.

объясняет исключительные достоинства лекций своего коллеги следующим образом:

«Самое трудное для изучающего историю чужой страны в том, чтобы за общественным строем, легко поддающимся описанию и анализу, обнаружить общество с его особой психологией, с его внутренней логикой, со всем тем, что согласует его с самим собою и приводит в недоумение иностранца. Знания, извлеченные из архивов и письменных памятников, но еще более та школа, которую он прошел, проведя много лет в России среди народа, придавали комментариям Пьера Паскаля ценность исторического свидетельства».⁶

Живой интерес к науке, проявлявшийся у П. Паскаля до последних месяцев его долгой жизни, вместе с исключительными человеческими качествами покойного вполне объясняют, почему его кончина глубоко переживалась учениками, превратившимися постепенно в его друзей.

*В. Водов (W. Vodoff),
Париж*

⁶ П. Паскалю было посвящено два сборника: первый — по случаю его семидесятилетия, второй — по случаю девяностолетия: *Mélanges Pierre Pascal // Rev. des Études slaves*. Paris, 1961. Т. 38. 256 p.; 1982. Т. 54. 270 p. В первом опубликованы два очерка о научной деятельности П. Паскаля: *M a z o n A. Avant-propos* (Р. 7—18); *T a p i é V.-L. Les cours du vendredi* (Р. 193—195). Во втором помещен краткий автобиографический очерк: *P. P a s c a l. Mon père Charles Pascal* (Р. 11—17), а также воспоминания других лиц о П. Паскале; в конце книги помещена наиболее полная библиография его работ (*Bibliographie des ouvrages et articles de Pierre Pascal*. Р. 255—270). См. также дневники Паскаля: *P. P a s c a l. Mon Journal de Russie (1916—1927)*. Lausanne, *L'Âge d'homme*, 1975—1982 (4 vol.). О. Паскале см. нашу статью в сборнике «*Russia Mediaevalis*» (München. 1987. Т. 6₁. S. 320—324).